

СУРМА ТУМАНЯН. «И только через много лет...» или «в поисках прошлого». СПб., изд-во «Человек», 2017, 128 с.

В деле освещения малоизвестных подробностей жизни и творческой деятельности великого армянского поэта Ованеса Туманяна особую, исключительную ценность представляют воспоминания членов его семьи. Каждая публикация, статья, тем более, книга фактически является первоисточником. Весомый вклад в литературоведение внесли «Воспоминания и беседы» дочери Туманяна Нвард, а позднее – книги Ирмы Сафразбемян «Переписка семьи Туманяна» и «Страницы жизни семьи Туманяна». Для многих эти книги стали настольными, без них не может обходиться ни один туманяновед. И вот недавно мемуарная литература о Туманяне пополнилась новым изданием. В Санкт-Петербурге увидела свет книга внучки поэта Сурмы Туманян «И только через много лет...» или «в поисках прошлого». Сурма – единственная дочь Арега Туманяна, самого младшего из сыновей поэта.

Автор воспоминаний – не литературовед и не историк, она – офтальмолог, кандидат медицинских наук, один из ведущих специалистов в мире по проблеме слабовидения, но для мемуарной литературы самым важным является ценность передаваемой информации, ее насыщенность архивными документами, то есть фактография. С. Туманян пишет о своем отце, пишет живо и непосредственно, повествуя о наиболее примечательных страницах жизни Арега Туманяна, чем существенно дополняет историю семьи поэта.

В результате долгих и скрупулезных исследований С. Туманян сделала ряд важных уточнений, начиная от даты рождения отца (27 ноября 1900 г.) и кончая определением места и времени его ареста, расстрела и захоронения.

В первой главе своих воспоминаний автор представляет детство и юность Арега. Самоочевидно, что в формировании его характера и мировоззрения большую роль сыграли известные деятели армянской литературы и искусства, сплотившиеся вокруг Туманяна и его «Вернатуна», а

позднее – вокруг Кавказского общества армянских писателей. В становлении личности Арега непереоценимую роль сыграли также исповедуемые в тифлисской гимназии Ст. Лисициана непреходящие нравственные и эстетические ценности и уникальная личная библиотека Ов. Туманяна, насчитывавшая около десяти тысяч книг.

В гимназические годы Арега Туманяна больше всего привлекали история и литература. Он учился на отлично и, по определению Ст. Лисициана, «был гордостью гимназии» (с. 12). Тем не менее, Арег проучился в гимназии одиннадцать лет. Причина длительности срока обучения была более чем уважительная. Это было роковое и судьбоносное для армянского народа время. 22 декабря 1917 г. полководец Андраник обратился к армянскому народу с воззванием, на которое первым откликнулся Ов. Туманян. Уже на следующий день в тифлиских газетах было опубликовано открытое письмо поэта народному полководцу, герою национально-освободительного движения, в котором говорилось: «У меня четверо сыновей, всех четырех отдаю в распоряжение правительства, Национального совета и твое, а четыре мои дочери с готовностью берутся за любую работу в тылу, делают все, что умеют. У меня, несомненно, нет ничего, кроме этого, следовательно, я ничего не пожалю, лишь бы нам удалось ... отодвинуть надвигающуюся опасность и защитить наши священные права и свободы»¹. Понятно, что после такого публичного обещания своего отца Арег не мог посещать гимназию и, еще не достигнув призывного возраста, в первые месяцы 1918 г. он отправился на фронт, доблестно сражался и даже был награжден Георгиевским крестом за бои в окрестностях Эрзрума.

Во второй главе – «Немного о творчестве» – С. Туманян касается литературного творчества своего отца: поэмы «Дорога желтой коммуны», незавершенной пьесы «Красный Октябрь», незавершенной повести о бакинских комиссарах и английской интервенции, легенды об ашуге Имерлане, незавершенного исследования о жизни и творчестве Ов. Туманяна, лирической поэмы «Узоры Чжин-Чжоу», которую Арег посвятил жене.

В декабре 1922 г. Арег Туманян вместе с сестрами Ашхен и Нвард сопровождал уже неизлечимо больного отца в Берлин. Однако физическое состояние поэта было настолько плохим, что от этой поездки пришлось отказаться и остаться в Москве, где Туманяна поместили в больницу. Арег находился рядом с отцом до самого последнего мгновения его жизни. А после смерти поэта он выкрал его сердце. В письме

¹ Հոսի. Թուվսյան. Երկերի լիակատար ժողովածու 10 հատորով, հ. 10, Երևան, 1999, էջ 281–282:

брату Амлику Арег пишет: «... выкрал сердце отца. Нужно быть очень дерзким, чтобы выкрасть то сердце, которое обнимало весь мир ... но я не устоял. Пусть сердце моего святого отца будет в нашем доме. Они собирались выбросить, разве мог я это вынести? Ведь у меня тоже есть сердце»².

... Каждая строка книги С. Туманян дышит неизбывной болью за отца, поскольку в последние дни своей земной жизни он был лишен какой-либо возможности увидеться с родными и близкими – такая форма изоляции имела емкую и суровую формулировку: «...без права переписки». Единственными свидетелями его тяжких дум и нравственных мучений в предшествовавшие расстрелу дни и ночи были тюремные стены.

Одним из важных достоинств книги является то, что впервые вниманию читателя представляются туманяноведческие исследования Арега. Его стремление изучить жизнь и творчество своего великого отца было обусловлено не только зовом крови, но и совершенно беспочвенными обвинениями литературоведа, переводчика и общественно-политического деятеля П. Макинцяна в адрес Ов. Туманяна. В своем выступлении по поводу 60-летия Туманяна критик обвинял Поэта всех армян в национализме, гайдукизме, религиозности, отсутствии революционности, а также в том, что он в своих произведениях не воспевал пролетариат. В ответ на эти обвинения Арег отметил, что Ов. Туманян является общенациональным поэтом, поэтом всего армянского народа. Таким поэтом для России был Пушкин, для Украины – Шевченко, для Польши – Мицкевич, для Грузии – Чавчавадзе и Церетели. «Кто может считаться общенациональным поэтом? Тот, кто унаследовал все культурное богатство своего народа, в лучших формах, наилучшим языком, пропустил через свой творческий многогранник все проявления этого народа или нации... Ов. Туманян националистом никогда не был, – утверждал Арег. – Он не позволял себе оскорбительных высказываний в адрес других народов ... В чем должен проявляться национализм?.. Некоторые, показывая себя интернационалистами, полагают, что тот, кто любит свой народ, тот и националист. Это верно, если любовь к своему народу питается его ненавистью к другому, но если любить свой народ и при этом уважать другие народы, то это не национализм. Это патриотизм в сочетании с терпимостью» (с. 50–51).

Собрав огромный материал о литературном наследии поэта, Арег Туманян собирался представить его в тринадцати главах своего исследования. Он намеревался также составить подробную летопись-хронику

² *Թումանյանի ընտանիքի նամակայնի (Չազվ. և ծանոթ. Բ. Մախրազրեկյանը), Երևան, 2009, էջ 130:*

жизни отца. По его убеждению, Туманян был подлинным поэтом и великим гражданином, поэтом-гражданином, подобным которому во всем объеме не были ни Пушкин, ни Толстой, ни другие. «Как общественный деятель он сравним с Чернышевским, а как поэт – с Пушкиным. Соединив их, можно получить Туманяна» (с. 49–50).

К сожалению, Арегу так и не довелось завершить свое исследование. Какая-то часть рукописной биографии поэта хранится у С. Туманян, однако многие страницы утеряны во время обыска в квартире Арега. Именно благодаря сохраненным Арегом записям до нас дошли некоторые из важных и ценных мыслей Ов. Туманяна.

... Примечательна творческая история одного из четверостиший Туманяна, точная дата написания которого оставалась неизвестной. Оно изложено в письме Арега, адресованном сестре Ашхен и датированном 25 декабря 1930 г. Речь идет о четверостишии «*Մտնուլ օրից ւիտր ու ձորիկն եւ ւնսցի ւնտ ընկեր*» («Близким другом гор, долин я остался с детских лет»). Составители как первого, так и второго академического издания сочинений поэта, не располагая никакими сведениями о времени создания четверостишия, ошибочно помещали его среди произведений 1919 г. Между тем С. Туманян, основываясь на материалах личного архива своего отца, делает очень важное для туманяноведения уточнение, согласно которому Арег Туманян записал это стихотворение в начале 1923 г., в московской больнице, где доживал свои последние дни смертельно больной поэт. По поводу четверостишия между отцом и сыном состоялась небезынтересная беседа. Ов. Туманяну записанный текст не понравился, и он заметил: «Во сне я создавал больше и гораздо лучше, чем наяву, но все это я не записывал. Одна из причин в том, что хотел остаться единственным их читателем» (с. 56).

В последних главах рецензируемой книги – «Московский период» и «Конец счастья» – представлен краткий очерк непродолжительной жизни Арега и ее трагический финал. Для того, чтобы рассказать о подробностях расправы карательной системы государства над ее отцом, С. Туманян пришлось изучить дело Арега Туманяна в архивах Федеральной службы безопасности России, а также материалы Национального архива Армении.

Из книги С. Туманян мы узнаем, что Арег Туманян еще 17-летним юношей увлекся идеями революционного переустройства мира и 16 июня 1917 г. по рекомендациям С. Орджоникидзе и М. Цхакая вступил в организацию большевиков. Он познакомился и сблизился с А. Микояном, в дальнейшем завел дружеские отношения с А. Мясникяном, С. Кировым и другими известными государственными деятелями. А. Микоян познакомил Арега с самим Сталиным, представив его как весьма

подготовленного и перспективного молодого человека. Забегая вперед, скажем, что ни коммунистические убеждения, ни дружба с Микояном не спасли Арега Туманяна от сталинских репрессий. Когда впоследствии Микояна спрашивали, почему он не вступился за троих сыновей Туманяна или хотя бы за своего друга Арега перед Сталиным и даже не попытался их спасти, Микоян отмалчивался, уходил от ответа. Вдова Туманяна Ольга хотела встретиться с ним и вымолить спасение для сыновей, но он счел целесообразным просто уклониться от встречи. Когда годы спустя О. Туманян спросила Микояна, как он мог допустить гибель трех сыновей, он ответил: «Спрашивайте меня о чем угодно, но только не об этом» (с. 60). Добавим к сказанному, что впоследствии Микоян приложил большие усилия, чтобы открыть в Ереване Музей Ованеса Туманяна.

В последние годы своей жизни Арег Туманян занимал довольно высокие должности и в связи с новыми назначениями переехал в Москву. Он, в частности, был избран членом правления всесоюзной Торговой палаты и назначен ее ответственным секретарем, а вскоре стал начальником отдела Совнаркома торговли. До 1937 г. занимал ряд других столь же высоких и ответственных должностей. При этом жил с семьей в съемной квартире, и его начальство узнало об этом совершенно случайно. Когда в 1931 г. родилась дочь Сурма, кроваткой для нее служила корзина для белья, а пеленками и распашонками – материнские рубашки.

Арега Туманяна арестовали 4 июня 1937 г. В рабочем кабинете его правительственной дачи произвели обыск. Увидев альбомы по искусству, представитель НКВД обвинил его в увлечении женщинами легкого поведения. Арега увезли в «черном воронке», а жену и маленькую дочку в другой машине перевезли в коммунальную квартиру. 6-летняя Сурма больше никогда не видела отца. В ее памяти сохранились только его ласковые руки и прощальный поцелуй. Спустя четыре месяца арестовали также мать Сурмы Амалию и сослали в лагерь АЛЖИР (Акмолинский лагерь для жен изменников Родины). После ареста матери Сурму поместили в детский приют, и только три недели спустя старшая дочь Туманяна Ашхен нашла и перевезла ее в Тифлис, к бабушке Ольге, которая на протяжении девяти лет заменяла ей мать.

В тюрьме Арега Туманяна допросили через десять месяцев после ареста, и допрос этот оказался единственным. На столе лежал заранее заполненный протокол допроса. Обвинения не отличались оригинальностью: активное участие в антисоветской «правой» террористической организации, связь с английской разведкой и пантюркистской националистической террористической организацией. Приговор также был

составлен заранее. Его собственноручно утвердил Генеральный прокурор страны А. Вышинский. 10 июня 1938 г. был составлен большой список, в который входили 89 видных государственных деятелей (Арег Туманян был 70-м); в четырехдневный срок список «благополучно» согласовывается с Политбюро. Как и многие другие, Арег своей вины так и не признал, а в последнем слове попросил послать его дело на дополнительное расследование. В этой просьбе ему было отказано. Приговор был приведен в исполнение в тот же день: Арег Туманян был расстрелян на дачном участке наркома внутренних дел Г. Ягоды. А 17 лет спустя, в 1955 г., решением новой военной коллегии Верховного суда СССР он был реабилитирован за отсутствием состава преступления.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать что книга воспоминаний С. Туманян стала еще одним краеугольным камнем в здании туманяноведения.

СУСАННА ОВАНЕСЯН